

Елена

Шаихова

СТРАСТЬ К ПУТЕШЕСТВИЯМ

По страницам книг Т. Кретовой

«Я совершенно убеждён, что превыше счастья жить на родной земле есть только счастье по ней путешествовать», – говорит герой книги молодого автора, путешественницы, исследователя тюркской культуры Тинкай Кретовой «Казтабан». Несколько лет назад на обсуждении повести этномузыковед, фольклорист, доктор искусствоведения Асия Мухамбетова отметила, что книги, подобные «Казтабану», «нужно давать читать новым и новым поколениям наших детей на внеклассном чтении, чтобы они полюбили свою землю и то, что их окружает», так ярко, с душой описаны посещённые самим автором разные точки Казахстана, а Тинкай «впору писать школьные учебники географии». В июне этого года в Алматы и Нур-Султане прошли презентации второй книги Тинкай – «Казахстанец», и уже вскоре в «Инстаграме» на странице «Kazakh TV» появилась запись об этом произведении: «Бельгийский путешественник Питер Данкартс, объехавший 120 стран мира, уверен: работа будет полезна для всех гостей республики, желающих, как и он, ближе познакомиться с особенностями природы и культуры Великой степи».

Обе повести, безусловно, глубже, чем описание уникальных мест Казахстана. Первая, в которой древняя тюркская мифология переплетается с ритмами современной жизни, – о духовных поисках личности во все времена и в разных реальностях. Вторая, построенная на впечатлениях о людях, которых Тинкай встречала в поездках по стране, – об осознании себя как части сегодняшнего государства. В «Казтабане» главный герой беседует с Умай, От-Ана и другими божествами, общается с мифическим старцем Кыдыр-ата. «Казахстанца» можно было бы принять за документальную прозу, ведь, по признанию автора, в нём появляются не только обобщённые образы, но и совершенно реальные люди, пусть и не названные по именам (на презентации в Алматы поздравить автора вышел с гитарой один из таких персонажей – Оспан Бердалы, «художник и писатель, собравший энциклопедию казахских имён, переводящий и исполняющий на казахском языке “Beatles”»).

Рассказывая о книге «Казахстанец», Тинкай назвала три линии, составляющие повествование: фрагменты судеб отдельных людей, объединяющий их гипотетический общегосударственный опрос «Что для Вас значит быть казахстанцем» и, конечно, дорога – сквозная тема всего, что пишет, о чём говорит и чем живёт этот автор: «Стоять на месте рождены лишь деревья...» («Казтабан»). Но есть



ещё одна линия её произведений, пожалуй, даже главный герой, – Казахстан с его природой, сакральными местами, мифологией и историей. Это же теме посвящает она очерки, блоги в соцсетях, многочисленные фотографии.

Касаясь вскользь основного повествования книг «Казтабан» и «Казахстанец», сегодня предлагаем окунуться в атмосферу путешествия по Казахстану, созданную автором. Между книгами легли многие километры, которые за несколько лет прошла-проехала Тинкай, и в описаниях ощущается то восторг первой встречи с новым, то спокойное, с гордостью принятие уникальности казахстанской земли.

ДУХИ ДОЖДЯ И ПОДЗЕМНЫЕ ХАНАКИ МАНГИСТАУ

«Актау меня поразил. Я, конечно, знал, что город стоит на берегу Каспия, но даже представить себе не мог, насколько радостно и удивительно постоянно видеть море на горизонте...» – делится первым впечатлением Тлек, герой повести «Казтабан», попавший в город перед многодневной поездкой по Мангистау, в которой его ждали открытия чудес как природных, так и созданных руками людей.

«Первой точкой на маршруте была впадина Карагие, одна из самых глубоких во всём СНГ. Сидящий рядом со мной на пассажирском сиденье пожилой фотограф рассказал, что, по мнению метеорологов, в жару над впадиной собираются испарения, которые превращаются в большие дождевые облака. С чинка, на который мы поднялись, открывалось обширное пустынное пространство. Подстраиваясь под общий ритм, я сделал несколько кадров, стараясь, чтобы в объектив не попадали девушки, участвующие в экспедиции и позирующие теперь своим смартфонам на фоне обрыва.

На следующую ночёвку мы остановились у Карынжарык – другой впадины, совсем не похожей на предыдущую. Внизу лежал белый сор Кендерли, представляющий собой природное зеркало из солевой корки и дождевой воды. Покрытая ломаными трещинами поверхность рассеивала и отражала мягкое вечернее солнце, вызывая эффект свечения. Прямо посередине сора возвышались три приземистые горы, подходящие на маленькие вулканы. Ещё несколько небольших выступов были разбросаны ближе к его краям...»

Поэтизируя природу этих мест, Тинкай даёт и другое их описание – уже в мифологической реальности. Это авторское видение накладывается на пейзаж, который обычно видит путешественник, – и придаёт восприятию новые оттенки.

«Наконец я добрался до западных земель. В жарком мареве горизонт становился размытым, а от палящего солнца уставали глаза. Поэтому, когда почти голая сероватая земля внезапно оборвалась глубокой впадиной, я еле успел остановить коня, чтобы не нырнуть в неё с высоты. Это был Светлый Провал, я узнал его по сияющему белому дну и замку Трёх Братьев, темневшему в центре.

Значит, в двух днях пути отсюда должна быть вторая впадина – Чёрная Пасть, мать облаков. Она ещё глубже этого провала, и в ней живут дождевые духи, которые плетут тучи и приручают упавшие молнии, чтобы выращивать из них большие грозы».

Но и без мифологии, из сугубо реалистичных сведений, на эпитетах и сравнениях вырастают описания, пробуждающее желание увидеть всё своими глазами.

«...Бозжира превзошла все мои ожидания. Вокруг была совершенно белая равнина, и белая не от соли, как я привык видеть в степях, а от морских отложенных известняка. Судя по прочитанным перед поездкой заметкам, большинство природных чудес Мангышлака и Устюрта сформировались благодаря тому, что когда-то были дном древнего мирового океана.

Бозжира казалась похожей на сон кондитера – долину покрывала белая мука, горы слиплись из исполинских сахарных кристаллов, а в разливающейся вверху синей глазури неба зависли взбитые сливки облаков».

Это удивительное место пока труднодоступно для массовых туристов. Заезжают сюда только редкие специально организованные экспедиции да одиночки-энтузиасты, которые и рассказывают об увиденном, называя Бозжиру казахской Аризоной.

О другой природной достопримечательности Мангистау известно чуть больше. Точнее сказать, больше известно о её существовании, но о том, как могли сформироваться шаровидные конкреции долины Торыш, можно лишь догадываться. На официальном сайте Мангистауской области приводится местная легенда, согласно которой в камни были превращены полчища врагов, а также научная версия актауского геолога-геофизика Геннадия Тарасенко, связывающего образование необычных форм с электроразрядами в земной коре и мантии, в зонах активных тектонических разломов. «На конце линейных молний возникают вращающиеся шаровые молнии. Они-то и являются причиной образования стяжений всевозможных взвесей...» Из более или менее точных данных – только время происхождения – 180–120 млн лет назад, геологическая эра – мезозой, период – юра и нижний мел.

А вот как увидел эти каменные шары, самые крупные из которых достигают трёх-четырёх метров в диаметре, герой «Казтабана»:

«Потрясли сознание гигантские, будто выкатившиеся из невиданных размеров ртутного градусника каменные шары в местности Торыш. Они очень выгодно “позировали” на закате, позволяя делать отличные кадры, были эстетически красивыми и удобными для подъёма, но так и остались для меня загадкой: когда я понимал, какие огромные расстояния покрывают их поля, и пытался представить, сколько ещё таких конкреций хранится под землёй, у меня начинала кружиться голова».

Если природа ждёт лишь равнодушного взгляда пришельцев из городской цивилизации, то возникшие века назад рукотворные святыни требуют соблюдения определённых ритуалов. И «Казтабан», художественное произведение, вполне может послужить своего рода руководством к действию в подобных местах.

«Впереди экспедицию ждали святыне места. Соблюдая правильную очерёдность их посещения – от учителя к ученику, прежде чем ехать к самой знаменитой святыне – мечети Бекет-Ата, сначала мы остановились у некрополя вдохновителя этого суфия – Шопан-аты. Я прочёл в путеводителе, что когда-то в древности здесь пролегал путь караванов, направляющихся в Хорезм. Сейчас в иссохшей долине, обрамлявшей священную гору, стоял, согласно надписи, один из самых больших по территории древних архитектурных памятников Мангистау.

В путеводителе пояснялось, что здесь расположено около трёх тысяч захоронений, в своё время отличавшихся буйной многообразностью в духе разных эпох.

Глядя на разрушенные ветром и временем бесформенные развалины, я никак не мог реконструировать в уме их первоначальный вид.

– А нам вообще можно туда идти? – спросила одна из русских девчонок экспедиции. Она боязливо поглядывала на сосредоточенные лица проходящих мимо паломников. – Я же с крестиком...

– Главное – заходить с уважением, – ответил Бекзат. – Спрячь крестик под одежду и иди. Я тоже намаз не читаю, но хочу поклониться праху святого человека...

Я смотрел на участников экспедиции, гуськом идущих вдоль захоронений к мавзолею. Разных возрастов, национальностей, интересов и религиозных воззрений, все они одинаково проявляли уважение к наследию святого суфия. Девушки покрыли головы, плечи и лодыжки, мужчины выглядели сдержанными и серьёзными.

Мечеть и гробница Шопан-Ата были вырублены прямо в теле горы. С порога, который с помощью смотрителя все перешагнули правильно, ощущался контраст температур. Раскалённый пустынный зной сменился долгожданной прохладой, и уже через несколько минут стоящий снаружи жар летнего дня забылся...

Из Шопан-Ата мы по плохой дороге отправились дальше, в мавзолей Бекет-Ата...

Бекет-Ата оказался нарядным и ухоженным и отличался от предыдущего мавзолея почти так же сильно, как в Южном Казахстане различаются между собой мавзолей Арыстанбаба и Кожаметта Яссауи.

За высокими воротами и красивыми постройками различного назначения открывался большой обрыв, по стене которого спускались исчезающие где-то внизу аккуратные ступени. Многие паломники шли по ним босиком, видимо, чтобы показать чистоту своих помыслов. Я тоже решил разуться и сразу запрыгал по обжигающим камням, привыкая к их температуре.

На таком большом пространстве наша группа сама собой разделилась. Я первым шёл вниз по лестнице и потому первым, и одним из немногих, увидел небольшое семейство муфлонов, которые поднимались мне навстречу по тропинке, лежащей рядом со ступенями...

Сама подземная мечеть оказалась небольшой и, как и большинство здешних святых мест, была выбита в ракушечнике. Прослушав рассказ ширакши и набрав воду в священном источнике, мы ещё какое-то время любовались захватывающим видом раскинувшейся под ногами долины...»

В повести «Казахстанец» о тех же достопримечательностях Мангистау говорится уже не «по горячим следам» новичка, а как о данности мест, в которых поселились герои.

«За несколько лет семья исколесила весь полуостров Мангышлак и плато Устюрт. Арсен до сих пор с восторгами вспоминает поле Торыш с гигантскими шаровидными конкрециями. “Шаровитые конкретности” – как он раньше их называл. Навсегда запечатлелись в детской памяти и бесконечные белые равнины Бозжиры, и устюртские муфлоны, смело приближающиеся к машине и человеку.

Полину больше всего впечатлили святые места – их здесь почти четыре сотни. Рассматривая подземные ханаки и вырубленные в породе мечети, она пыталась представить себе, каким должен быть человек, готовый отдать всю жизнь служению Богу или своему народу. Мурата, её супруга, захватили эпические ландшафты: каменная воронка Жыгылгана на берегу Каспия, необъятные впадины Карагие и Карынжарык.

Казалось, открывать этот край можно бесконечно. Да даже в городе, таком маленьком, что его можно обойти за два часа, всегда было интересно – с морскими прогулками, или на велосипеде, или на оживлённо праздничной набережной».

ЛЕГЕНДЫ ГОР И ОЗЁР АЛТАЯ

Желание узнать получше Восточный Казахстан с точки зрения возможности организовать туристические туры привело сюда героя «Казтабана» – Тлека. Красивейшая природа, мифы, связанные с тем или иным местом, органично легли в повествование.

«Шофёр спросил, не собираюсь ли я заезжать на Киин-Кериш, и предупредил, что это “гиблое место”, где постоянно ломаются машины и теряются люди.

– Говорят, там жители одного аула от белых прятались. А гвардейцы их нашли и расстреляли. От этого стены ущелья стали кроваво-красными. Теперь их души не могут упокоиться и заманивают путников на погибель. Ты не езжай туда.

Зазвенели ржавые цепи, опускающие на берег тяжёлый мост. Паром причалил к берегу. Я попрощался с разговорчивым собеседником, ещё раз уточнил у капитана контакты руководства для переговоров о проекте и съехал на дорогу.

Солнце было ещё высоко, но уже начинало неумолимо клониться к закату, а до намеченной точки – мыса Шекельмес – оставалось ещё не меньше девяноста километров. Я ехал по голой до горизонта иртышской степи и думал о том, что даже отправившись на Алтай умудрился снова оказаться в пустынных просторах... Остановился я, только когда окончательно стемнело.

Не расставляя палатку, устроился спать на откинута пассажирском сиденье и всю ночь проворочался, так и не сумев толком уснуть. Было неудобно, в щелях старого джипа завывал ветер, и сквозь неглубокий сон мне мерещилось, что это звучат крики расстрелянных аульчан. Я несколько раз пообещал себе тщательнее планировать свои путешествия и купить дорожную подушку.

Утром, ещё не подняв сиденье, я смотрел на то, как рассвет окрашивает землю, когда понял, что невысокие глиняные холмы по левую руку от меня красные не от восходящего солнца, а сами по себе.

Я тут же схватил фотоаппарат и, не обуваясь, выскочил на улицу: оказывается, плутая в потёмках, я приехал в Киин-Кериш. Перебегая с точки на точку по осыпающейся под ногами сухой земле, я сделал несколько отличных рассветных кадров. Вокруг пестрили глины, словно застывшие в доисторическом пожаре. В лихорадочном танце смешивались огненные цвета: бордовый, оранжевый, жёлтый и белый. Глина плавно перетекала из одной формы в другую, являя собой не то холмистый марсианский пейзаж, не то поверхность невиданных размеров ягодного леденца. Надо мной пролетел филин. Ночная тоска быстро исчезала, растворённая утренним солнцем».

К этому захватывающему дух описанию вне художественного текста можно добавить сухую информацию, от которой дыхание перехватывает уже у учёных. Для них Киин-Кириш – уникальнейший палеонтологический памятник. Возраст урочища оценивается в 15–30 млн лет. И по насыщенности остатками древних теплолюбивых растений (араукарий, магнолий, пальм...) и субтропических животных (крокодилов, носорогов, саламандр, черепах...) с Киин-Киришем не сравнится ни один из подобных памятников Азии и Европы.

Но первой целью Тлека в Восточном Казахстане был Зайсан, оставивший у путника неоднозначное впечатление из-за катастрофической бытовой неустроенности прибрежных сёл.

«Зайсан отливал на солнце хмурыми, неземными цветами. Его воды бесшумно покачивались, и казалось, будто сама их субстанция вязкая и душная, как раскаляющийся к полудню воздух его пустынных берегов. Я читал, что озеру около шестидесяти миллионов лет, и когда-то даже бытовала легенда о том, что в нём сохранились доисторические существа наподобие динозавров...

С точки зрения горожанина сложно понять саму возможность жизни на побережье Зайсана. Сухой воздух, беспощадное солнце, редкие порывы горячего ветра. Костлявый скот, пошатываясь, бродит на фоне единственной на многие километры юрты или хибары. Кладбища плавящихся на солнце кораблей, скелеты давно брошенных и уже неопознаваемых средств передвижения... Микроскопический рыбацкий посёлок Аманат в лесу полуразобранной и давно проржавевшей техники. В нём мутная озёрная вода подаётся раз в день – на два часа утром в несколько общих колонок...

В моей голове вертелось всего два вопроса: “Что здесь делать? Как здесь можно жить?” На них ответил приехавший домой на обед рыбак. Он застал меня во время съёмки чумазого пацана, играющего среди старых шин, и остановился спросить, что я здесь ищу. Оказывается, в Зайсане ведётся серьёзный рыбный промысел, а местные жители возвращаются в Аманат, даже прожив много лет в крупных современных городах. “Родная земля не может быть плохой”, – сказал рыбак.

Я огляделся. Теперь мне стало видно неопишное очарование этого сурового, прокалённого жарой края, минималистическая, обожжённая эстетика полупустынного мира. Может быть, именно так, помогая людям увидеть чужие земли глазами местных жителей, можно найти большее взаимопонимание? Как и любая другая точка планеты, Аманат тоже был чьей-то любимой родиной...»

Наверное, самая притягательная точка Алтая – гора Белуха. Едут и идут сюда даже не для того, чтобы забраться на неё, – без должной подготовки этот «объект горного восхождения и альпинизма» и не поддастся. Издали посмотреть – уже радость, ибо, как гласит легенда, далеко не каждому гора покажется.

«– А правду говорят, что она не всем открывается?»

– Ну, не знаю, – Матвей задумался. – От меня она никогда не пряталась. Но я тоже слышал, что так бывает: или машины ломаются, или снег вдруг посреди лета начинает валить, что не видно ни черта. Говорят, человек с грязными помыслами может не только к ней не дойти, но и обратно уже не вернуться...»

Впрочем, о Белухе нужен долгий отдельный разговор, а пока путешественники останавливаются на ночёвку, описание которой стоит того, чтобы привести его здесь.

«К ночи мы, спустившись с первого перевала и преодолев несколько мостов над рекой Кара-Коба, остановились на ночёвку в довольно узком ущелье у воды. Ледяное течение, рокотавшее среди валунов, было удивительного морского цвета. По берегу торопливо проскакали последние солнечные зайчики и растворились в навалившейся синеве горного сумрака.

Мы расставили палатки, пока разгорался костёр, и сели ужинать. Ветки приятно потрескивали, выпуская искры, тлеющие в хаотичном полёте.

– Слышишь? Разговаривает, – Матвей довольно кивнул головой в сторону реки.

Я действительно уже некоторое время прислушивался к звукам, доносящимся от воды. Казалось, будто беседовали низкие мужские голоса, но я точно знал, что на берегу больше никого нет.

– Это река. Говорят, многие так нашли свою смерть. Слышат – ночью у воды кто-то разговаривает. Заманивает. Идут посмотреть, поскальзываются и падают в воду. А река быстрая, в момент уносит человека – не выберешься.

Матвей выжал чайный пакетик в пустую тарелку и протёр её салфеткой – “помыл”.

– А научное объяснение этому феномену есть? – спросил я, тщетно вглядываясь во тьму, туда, где рокотала и булькала Кара-Коба.

– Есть. Но оно неинтересное.

– И всё-таки?

– Ночью течение усиливается, – менторским тоном ответил Матвей. – От этого большие булыжники, лежащие в самом глубоком месте русла, начинают катиться по дну реки и бьются друг о друга. Звук проходит через толщу воды и становится похожим на человеческие голоса... Но поверить в это почему-то сложнее, чем в то, что в полной темноте у воды спорят два мужика, и люди продолжают попадаться на коварную уловку природы...»

Герои книги «Казахстанец» отправляются на Алтай с другой целью: они ведут съёмки цикла передач об исторически и духовно значимых – сакральных точках Казахстана и должны бы знать, что их ждёт. Однако не ко всему, оказывается, можно подготовиться заранее.

«Алтай потряс съёмочную команду: богатейшая природа с густыми изумрудными лесами, бескрайними цветочными долинами, неправдоподобно лазурными реками и ледяными вершинами. Маралы, козули, медведи, рыси, бурундуки, пищухи и огромное множество зверья, которое разглядеть тут проще, чем в зоопарке. А ещё – алтайский мёд, кедровые орехи, саржальский кумыс... И среди всего этого великолепия – один из ценнейших археологических памятников страны. “Если тюрки и правда вышли из таких райских краёв, то понятно, почему у нас эпос так пропитан любовью к родной земле, да? И все эти глубокие традиции в семье, в обществе, в управлении империями... Не понятно только, зачем они отсюда вышли? Я бы, честное слово, из этих мест никуда уходить не стал”, – сказал тогда Аян».

В этой поездке, когда сроки сжаты, а успеть нужно многое, природные чудеса их не останавливают. Задача группы – отснять мавзолей Коркыта. Попутно читатель узнаёт немного о казахстанской мемориальной архитектуре.

«...мавзолей Коркыта – белокаменный, гармонично вписывающийся в ландшафт, Виктор полубил ещё в подростковом возрасте. Он удивился, когда благодаря съёмкам увидел ещё несколько похожих архитектурных произведений. Все они были отмечены участием одного и того же автора. Почерк Бека Ибраева в соавторстве с разными, не менее легендарными коллегами, Виктор научился узнавать сразу – эти работы навевали чувство величия, но не рушили пейзажа, а наоборот, оттеняли и усиливали интенсивность ощущений от места. Такими были мемориальный комплекс Абулхаир-хана в Актюбинской области, батыров Карасая и Агынтая в Северном Казахстане, музей Шокана Уалиханова под Ал-

маты. А на одной из первых съёмок в апреле, в похожей степи в районе Семей, когда они делали сюжет об истории Ауэзовых и Кунанбаевых, такие же чувства вызвал ещё один памятник этого ряда – мемориальный комплекс Абая и Шакарима неподалёку от дома Абая».

Но горькой нотой тут звучат впечатления, вынесенные из реальных встреч автора во время путешествий по Казахстану.

«Это всегда было сложно: сталкиваться с непониманием и даже неуважением к глубокому наследию у тех, кто, казалось бы, и должен в первую очередь гореть любовью к собственной истории. И таких случаев за время съёмок происходило немало. Складывалось странное ощущение, будто иногда люди стыдятся гордиться своими предками и земляками...»

ДОЛИНА ПРЕДКОВ И НАСТУПЛЕНИЕ XXI ВЕКА

В Южном Казахстане герои книг «Казтабан» и «Казахстанец» не пересеклись в пространстве. Сайрам-Угамский природный парк остался в планах на будущее для Тлека («Казтабан»), посетившего духовные места Туркестана, а для рассказчика «Казахстанца» именно горы открылись во всей красе. Любое место наполнено и исконно природной энергетикой, и привнесённой людьми, пришедшими сюда с разными целями. Сайрам, с точки зрения Тинкай и её героев, сильное место. Может быть, и потому, что покорить эти горы могут лишь действительно сильные люди.

«Сайрамское ущелье – место необыкновенное. В первый раз мне довелось оказаться здесь случайно, но знакомство с местными альпинистами полностью изменило мою жизнь. Восхождения – это не спорт и не развлечение. Можно сказать, что это особый ритуал, священнодействие. Преодолевая сопротивление тела и психологические барьеры, ты движешься вверх, навстречу небу. И с каждым новым шагом, с каждой каплей пота и очередной полупрозрачной мыслью о том, чтобы отступить, твой разум и душа всё больше очищаются и освобождаются от тобою же надуманных оков.

Я очень люблю эти места и здешние вершины: рыжий Сары-Айгыр с кирпичным гребнем башен-скал, издалека приметный двуглавый Альтус с его ложной вершиной, высокий Пионер, покрытый россыпями полудрагоценных камней, коренастый Гном с захватывающим видом на Туркестанский ледник, длинноспинную Коптау, облюбованную дикими тау-теке, и, конечно же, высшую точку Южного Казахстана – пик Сайрам, подъём к которому по красоте превосходит любую многодневную экскурсионную поездку.

И вот очередные осенние сборы. Мы уже на подъёме. В базовом лагере хорошая рабочая суета. Звон железок: кто-то возвращается со скальной тренировки, другие разбирают снаряжение либо пакуют и накидывают на плечи рюкзаки – несколько человек уже выходят на Нижнее озеро. Глухой стук – это приехавшие последними участники ставят палатку, вбивают колышки, и стук трескучий – рубят дрова. Едва приглушённые тентом столовой голоса – спортсмены изучают описания маршрутов. Серьёзные разговоры и залиvistый смех.

А здесь, на пути к Долине Предков, на крутом склоне горы, которую называют Динозавром из-за схожести очертаний, остаётся только две пары звуков: собственное дыхание и хруст перекатывающихся под ногами мелких камешков

во время движения, и щебетание птиц,рывающееся в паузы между ударами сердца в ушах, во время кратких остановок.

Хочется передохнуть подольше – это акклиматизационный подъём, и тело пока упорно отказывается входить в ритм. Ноют все старые травмы и болят слабые места. Показывать бессилие нельзя: передо мной шагает восьмилетний Тёмка, единственный ребёнок в команде. Это так вдохновляюще и необыкновенно, когда вместо всего многообразия современных детских развлечений обычный городской пацан с радостью выбирает поездку с отцом в горы, туда, где нужно быть дисциплинированным, послушным и проводить время в компании взрослых людей.

– Такое разве увидишь по телевизору?

Тропа наконец стала пологой, открылся потрясающий вид на цепь вершин Угамского хребта. Зазвучали разговоры – дыхания снова стало хватать на то, чтобы идти и говорить. Мне в такие моменты всё равно больше нравится слушать. Наблюдать за тем, как природа пробуждает в умах некий импульс: он мгновенно проносится по сознанию, касается души, набирает форму и превращается в мысль. Мысль спешит родиться во фразе, а разговоры запускают обмен этой созданной природой и обогащённой разумом энергией.

– Вот красота! – где-то позади. – Нет, я всё-таки уже не спортсмен, устал...
Далеко там ещё?

– Как всегда – почти пришли! – энергичный голос и смешок инструктора. – Ты не спрашивай, вон видишь, Артём идёт, не жалуется, а у него шаги маленькие, ему тяжелее всех. Ещё рюкзак тащит.

– Так то Артём! Мой дед, когда маленьким был, в школу в соседнее село ходил. Сам, один, пешком! А это восемь километров в одну сторону.

– Да, мой дед тоже в футбол играть с друзьями бегал больше чем за двадцать километров – из Алматы в Каскелен. Утром возьмёт ломоть хлеба – и вперёд, возвращается уже затемно. Это тогда люди крепкие были...

Мы миновали последнюю возвышенность. Впереди – Долина Предков. Мне уже доводилось бывать тут раньше. Горная равнина с цепью древних курганов, окружённая исписанными петроглифами скалами, у подножья пика Ассамблеи и моей любимой горы Иглы. Высота тут примерно три тысячи метров. Когда спускается туман, кислорода становится совсем мало, и в костре, сложенном из влажных веток, огонь горит плохо, а вот в груди в такие часы на подъёмах жжётся горячее пламя.

– Вон курганы! – инструктор протянул трекинговую палочку.

Послеобеденное солнце освещало мирную долину, мягкие контуры холмов и острые клыки скал. Вдали, за курганами, где до позднего лета скатывается к речке талый водопад, склоны уже тронула сырая тень.

Когда-то в эти ущелья в сакральном поиске восходили целые племена моих предков. Они выбивали на скалах изображения зверей, отправляли ритуалы и предавали своих вождей земле. Окидываю внутренним взором те времена, и по телу пробегают мурашки.

У меня совсем не горная, степная душа. Мне нужны нескончаемые просторы, над которыми подрагивает хмельной воздух, и небо, которое не охватить взором, даже запрокинув голову, лёжа на спине. Но здесь, в этом сильном месте, да и вообще в окрестностях Сайрама, есть нечто особенное, что невозможно передать словами или образами. Притаившееся, зовущее, привязывающее к себе с первого знакомства».

А вот осовремененный Туркестан и его окрестности не впечатлили ни автора, ни ее героя Тлека: «Слишком уж суетно всё было как-то» («Казтабан»).

«Из Отрара мой путь лежал в мавзолее Арыстанбаба – учителя Кожамета Яссауи. Мавзолеей оказался приятным на вид небольшим простым глиняным сооружением, с красивыми башенками-минаретами и очень приветливым ши-ракши в нарядном зелёном кафтане и расшитой арабским узором белой тубетейке. Неподальёку виднелась сияющая современная мечеть, и, казалось, её от Арыстанбаба отделяют не столько строгие чёрные прутья забора, сколько целый пласт времени и культуры...

Следующим пунктом на моём пути был Туркестан, инфраструктура которого полностью подчинена нуждам паломников. Меня интересовал главный объект города – мавзолеей Кожамета Яссауи.

Я был поражён размахом комплекса, включающего в себя большую площадь, реконструированную древнюю улицу, несколько построек и центральное здание с расписанными арабской вязью стенами и высокими зарешечёнными окнами. Своей нарядностью он словно спорил со сдержанным аскетизмом мавзолеей учителя.

Поначалу я даже не мог понять, куда идти и где именно находится святыня, и двигался вместе с толпой, которая, казалось, тоже не знала, куда её несёт. Знаменитый тайказан в центре первого зала мавзолеей был окружён строительными лесами, в поисках других достопримечательностей я постоянно упирался то в закрытые решётки, то в терминалы оплаты, предназначенные не то для пожертвований, не то для пополнения баланса на телефоне. Но потом различил в разношёрстной шумящей толпе экскурсионную группу и тихонько присоединился к ней. Так мне удалось увидеть больше: подвалы со стенами из чёрного камня, расписанные золотой вязью девяноста девяти имён Аллаха, надгробия разных духовных наставников и реконструкцию подземной кельи.

А вот ощутить прикосновение к чему-то сакральному не получалось...»

Археологи, годами, слой за слоем изучавшие средневековые городища Отрарского оазиса, сейчас только вздыхают: культурные пласты нередко оказываются погребёнными под новостройками в угоду развития инфраструктуры XXI века.

Однако по-прежнему «самым манящим и многообещающим источником чудес» оказываются путешествия – по родной ли земле, за её ли пределами: если ищешь чудо, обязательно встретишь его. На алматинской презентации книги «Казахстанец» Г. Н. Омарова, музыковед, доктор искусствоведения (тоже безмянно присутствующая в повести как один из педагогов, организовавших экспериментальные донбровые классы в обычных школах), пожелала гостям, чтобы та тяга к путешествиям, которая скрыта в каждом из нас, нашла своё воплощение, как это получается у Тинкай Кретовой. Присоединимся к этому пожеланию: пошуршав страницам книг, сделайте шаг к настоящему приключению. Дорога может только начаться, а конца ей, пожалуй, нет, пока ты открыт для новых впечатлений.

